

DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.005

УДК 94(571.122)"18/19" (091)

ББК 63.3(253.3)522-414.13,8

О.А. МИЛЕВСКИЙ **ПО СЛЕДАМ ОБОРВАННОЙ ЖИЗНИ:
ССЫЛЬНАЯ СУДЬБА НАРОДНИКА
ЛЬВА ИВАНОВА**

О.А. MILEVSKY **IN THE FOOTSTEPS OF AN INTERRUPTED
LIFE: THE FATE OF THE EXILED POPULIST
LEV IVANOV**

В статье на основе использования методологии «personal history» восстанавливается «ссылная биография» революционера-народника Л.А. Иванова. На примере реконструкции и изучения его жизни в Туринске и Сургуте анализируется механизм принятия решений центральной и губернской властью в отношении революционеров, находящихся на положении политических ссыльных. Особое внимание уделяется выявлению обстоятельств жизни и смерти Л.А. Иванова в Сургуте.

Автор приходит к выводу, что мелочное и мстительное желание царского правительства максимально ужесточить и регламентировать режим политической ссылки имело пагубные для Российской империи последствия. С одной стороны, все более накаляя страсти во взаимоотношениях власти и оппозиционной части общества, а с другой — серьезно подрывая престиж самодержавия на международной арене и склоняя чашу мирового общественного мнения в сторону поддержки российского революционного движения.

The biography of the exiled revolutionary-populist L.A. Ivanov is restored in the article using the methodology of «personal history». The author analyzes the mechanism of decision making by the central and provincial authorities in relation to revolutionaries who have the status of political exiles, using reconstruction and study of Ivanov's lifetime in Turinsk and Surgut as an example. Special attention is paid to the identification of the circumstances of the life and death of L.A. Ivanov in Surgut.

The author comes to the conclusion that the little and vindictive desire of the tsarist government to tighten and regulate the regime of political exile as much as possible had detrimental consequences for the Russian Empire. On the one hand, it increasingly aggravated tensions between the authorities and the opposition part of society, and on the other hand, it seriously undermined the prestige of the autocracy on the international scene and tipped the scales of world public opinion towards supporting the Russian revolutionary movement.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Революционное движение, народничество, самодержавие, политическая ссылка, Западная Сибирь, Тобольская губерния, Туринск, Сургут, «сургутский протест».

KEY WORDS: Revolutionary movement, populism, autarchy, political exile, Western Siberia, Tobolsk province, Turinsk, Surgut, «Surgut protest».

ВВЕДЕНИЕ. Эпоха конца 1860-х — начала 1870-х гг. стала для российского общества своеобразным временем «бури и натиска», когда в недрах российского пореформенного общества между его «консервативной» и «передовой» частью велись активные дискуссии о путях дальнейшего социально-политического развития страны. Активную роль в этом процессе играла демократическая печать, создававшая свое видение российского

будущего. В этот период на смену властителям дум начала 1860-х гг., во главе с Н.Г. Чернышевским, приходят мыслители, в работах которых был окончательно сформулирован и с позиции субъективной социологии обоснован лозунг «В народ!», ранее выдвинутый А.И. Герценом [12, с. 130]. Реализовать его на практике попыталось поколение народников 70-х гг. Судьба представителей этого поколения трагична. Немалая его часть, желавшая посвятить свою жизнь служению на благо простого народа, погибла в ссылке и на каторге. К числу именно таких людей принадлежал и Лев Андреевич Иванов.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. В отличие от многих других безвестных участников тех событий, имя Иванова хотя бы осталось в скрижалях истории политической ссылки. Его первым биографом стала историк Л.П. Рощевская, собравшая о нем первые крохи информации [17]. Однако биографический портрет Иванова еще далеко не полон. Этот пробел можно попытаться восполнить в рамках методологических подходов, характерных для направления «новой биографической истории» («индивидуальная история», «персональная история» или «personal history») базовой задачей для которых является восстановление истории одной жизни [14, с. 285].

ЦЕЛЬЮ данной статьи является реконструкция «ссылочной биографии» революционера-народника Л.А. Иванова, а также выявление, на примере его трагической судьбы, механизмов репрессивной политики самодержавия в отношении оппозиционно мыслящей части российского социума.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. О детских годах Льва Иванова мы можем узнать из автобиографии его родной сестры народоволки С.А. Ивановой-Борейшо. Он родился в местечке Хан-Кенды на Кавказе в 1853 г. в офицерской семье. Его отец почти всю жизнь отдал покорению Кавказа. Небогатая многодетная семья офицера-дворянина состояла из 10 детей. Отец детьми почти не занимался, все время отдавая службе. Основную тяжесть по их воспитанию несла на себе мать. Забот с многочисленным потомством хватало, поэтому в основном все сводилось к тому, чтобы дети были накормлены и не болели. С.А. Иванова-Борейшо пишет: «В определенные часы нас кормили и поили в столовой, потом мы разбегались в разные стороны, проводя почти весь день на дворе или саду» [7, с. 86].

Иное начиналось, когда наступала пора учения, тогда мальчиков усаживали «за буквари и вообще за подготовку к военным училищам» [7, с. 86]. К обучению сыновей родители относились крайне серьезно, так как «они должны были «выйти в люди», то есть со временем сделаться такими же офицерами, каким был их отец» [7, с. 86]. В родительском доме Льва, как и его сестру Софью, больше притягивал кабинет отца, где стояла этажерка с книгами. Детских книг почти не было, поэтому читали все подряд от «Библиотеки для чтения» барона Брамбеуса (О.И. Сенковского) до Ч. Диккенса, но попадались там и разрозненные номера «Современника» [7, с. 86]. К тому же в местечке, где жили Ивановы, располагался офицерский клуб, имевший свою библиотеку, куда выписывалось много русских газет и журналов [7, с. 86]. Там любознательные Ивановы-младшие могли совершенно свободно брать то, что их заинтересует. Время в мире было бурное, и даже верноподданническая пресса не могла не писать о Дж. Гарибальди, ирландских делах или движении аболиционистов и гражданской войне в США, не говоря уже о покушении Д.В. Каракозова на жизнь царя и первых политических судебных процессах в России.

Как и большинство братьев, Лев по настоянию отца выбрал военную карьеру. Он окончил кадетское училище в Петербурге и затем служил в артиллерии на Кавказе [21, с. 20]. И, казалось, дела у него шли вполне успешно, он дослужился до чина штабс-капитана. Однако на дворе стояла середина 1870-х гг. Уже появились «Исторические письма» П.Л. Лаврова (1869 г.). Они, наряду с вышедшей чуть позже «Государственностью и анархией» (1872 г.) М.А. Бакунина, оказали огромное воздействие на формирование социального мировоззрения поколения 1870-х гг. Основная идея «Исторических писем» заключалась в обращении

к интеллигенции с призывом работать среди народа во имя его духовного преобразования и экономического освобождения на основе социалистических идеалов. Участник народного движения тех лет О.В. Аптекман вспоминал, что «они стали не только настольной книгой молодежи 70-х гг. — нет! Это была книга жизни, революционное Евангелие, философия революции!» [1, с. 122].

Во многом под влиянием идей революционных пророков (П.Л. Лаврова и М.А. Бакунина) прошло «безумное лето» 1874 г., когда «передовая» молодежь пошла в народ. Это движение охватило 51 губернию [24, с. 156]. Новые веяния затронули и офицерскую среду. В числе молодых офицеров, задумывающихся о судьбе страны и попавших под обаяние новых идей, оказался и Иванов.

В результате он также решает влиться в ряды народников-пропагандистов, оставив службу. На рубеже 1874–1875 гг. (дата точно не установлена. — О.М.) Иванов выходит в отставку и поступает в Лесной институт в Санкт-Петербурге [5, стб. 487]. Никаких терзаний от прерывания офицерской карьеры он, по-видимому, не испытывал. Мать и отец к тому времени уже умерли, старшие братья служили, а три его сестры жили в своем доме на попечении одного из братьев-офицеров, получая небольшую пенсию по смерти отца [7, с. 86]. Так что Иванов оказался предоставлен сам себе, никакими семейными обязательствами не обременен, мог действовать, как подсказывали ему убеждения.

Так началась его короткая карьера народника-пропагандиста. Летом 1875 г. он, будучи на каникулах (каникулах), проживал в Москве в роли домашнего учителя и попутно занимался распространением нелегальной литературы. Иванов поддерживал отношения с отдельными участниками, вернее, участниками только что создавшейся в Москве «Всероссийской социально-революционной организации» (1875 г.), в частности, с В.Н. Батюшковой [4, с. 173]. От нее же он, по-видимому, и получал запрещенную литературу.

В это время Иванов завязал знакомства со студентами Петровской земледельческой академии А.П. Белявским и А.Е. Трубецким и, когда те выразили намерение на каникулах поехать в Саратовскую губернию для пропаганды среди крестьян, он пообещал обеспечить их необходимой «литературой для народа». Так впоследствии уже на дознании Трубецкой показал, что «получил от Иванова разные запрещенные книги: «Сказку о копейке», «Сказку о четырех братьях», «Историю французского крестьянина», «Сборник песен и стихов» и др.» [4, с. 173].

Все это проходило на фоне начавшегося как раз арестами в Саратове 4 июля 1874 г. дознания о «Пропаганде в Империи» [24, с. 157]. В рамках этого дела именно арест Белявского и дача им откровенных показаний позволили жандармам выйти на квартиры Иванова и Батюшковой [4, с. 174]. Однако у Иванова жандармы ничего предосудительного не нашли. А вот обыск в жилище Батюшковой дал положительные результаты — это и запрещенные книги и переписка [4, с. 174]. По сути, все обвинение против Иванова строилось на показаниях Белявского, на основании которых его связывали с Батюшковой и далее с организацией «москвичей».

Сам Иванов и Батюшкова на следствии держались в лучших традициях «революционной этики», не давая никаких признательных показаний. Из материалов дознания известно, что они «не признали себя виновными ни в принадлежности к преступному сообществу, ни в распространении книг преступного содержания, причем они отказались от взаимного между собою знакомства, а равно и от знакомства с Белявским» [4, с. 174]. Против Иванова и Батюшковой работало еще только то, что квартирная хозяйка Иванова, некая Домасюк, по предъявлении ей фотографической карточки Батюшковой, признала в ней особу, посещавшую Иванова [4, с. 175].

В результате Иванов оказался привлеченным к «процессу 50-ти». Этот крупный политический процесс проходил в столице Империи с 21 февраля по 14 марта 1877 г. Судили

арестованных пропагандистов судом Особого присутствия Правительствующего сената (далее ОППС.— О.М.). И хотя Иванова не смогли притянуть к преступному сообществу в виде «Всероссийской социально-революционной организации», куда входила, например, та же Батюшкова, но ему так же, как и ее членам предъявили обвинение по ст. 251 улож. о наказаниях («бунт против власти верховной») в том, что они «получали от членов того сообщества и распространяли книги, имевшие целью возбуждение к явному неповиновению Власти Верховной» [4, с. 178]. Защитником Иванова, так же, как и В.Н. Батюшковой, Н.Ф. Цвилинева и А.Е. Трубецкого, на суде выступал блестящий юрист присяжный поверенный В.Н. Герард. Его защитительная речь на суде, по мнению Н.А. Троицкого, «стала на процессе событием» [23, с. 157].

Вскрывая шаткость юридической базы обвинения («в распространении книг противозаконного содержания» с «возвращением к бунту» и «в принадлежности к тайному обществу») Герард остро поставил вопрос о самом понятии «распространение». «Чтобы обвинить кого-нибудь в распространении книги с целью произвести бунт, — говорил он, — недостаточно признать, что распространяемая книга взывает к бунту; необходимо еще, чтобы распространитель имел целью возбудить к бунту. Если же, например, книга хотя и содержит в себе возбуждение к бунту, но вместе с тем, проповедует и разные другие, тоже противозаконные, но менее наказуемые учения, и распространитель имел ввиду пропагандировать именно эти учения, а не бунт, вы, несмотря на содержание книги, можете признать распространителя виновным только по тем статьям (т.е не по статье 251, а по ст. 274 («противодействие властям») или даже 1035 («неуважение к законам») с большой разницей в наказаниях — соответственно от 10 лет каторги до ареста на 4 дня), которые преследует распространение именно этих учений» [23, с. 158].

В отношении же непосредственно Иванова и Батюшковой Герард, фигурально говоря, только развел руками, заявив: «У меня нет данных для защиты, но по весьма простой причине: потому что у обвинителя нет данных для обвинения». Единственную улику против Иванова и Батюшковой в передаче книг, а именно оговор подсудимого Белявского, от которого сам Белявский потом отказался, Герард опроверг просто и весьма веско: «Значит ли это, что надо верить первому его рассказу? Разве необходимо выбирать между тем и другим, разве он не мог сказать неправду в обоих случаях? Ведь правду сказать о каком-нибудь факте можно только одну, а неправд — сотни тысяч» [23, с. 158]. Поэтому, по его мнению, Иванова можно было признать виновным только «в имении у себя этих книг» [4, с. 317].

В заключение Герард признал «противозаконную» направленность идей народников, но объяснил ее «безотрадною» положением народа и «злоупотреблениями» властей. А в самом финале своей речи, обращаясь к судьям в отношении личностей подсудимых, сказал: «Вы, которые преследуете их, не скажете, что они руководствовались какими-нибудь своекорыстными побуждениями. Нет! Отчего же спокойно ждут они вашего приговора? Да, что бы ни сказали вы, пред собственной совестью они не виноваты!» [23, с. 159].

Однако, несмотря на блестящую защиту Герарда, вскрывшую всю шаткость обвинения против Иванова, судьи ОППС 14 марта 1877 г. приговорили его к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в крепостях сроком на 9 лет [4, с. 326]! Окончательной конфирмации приговора осужденные ожидали в Доме предварительного заключения (далее ДПЗ.— О.М.), где стали свидетелями безобразной «боголюбовской истории» (незаконное телесное наказание 13 июля 1877 г. политического заключенного А.С. Емельянова (Боголюбова) по приказу столичного градоначальника Ф.Ф. Трепова), и, думается, это событие и последовавшие за ним беспорядки в ДПЗ, как и несправедливый судебный приговор, еще более настроили Иванова против существующего в стране политического режима. И представляется, что даже смягчение приговора по Высочайшему повелению от 14 августа 1877 г. «на ссылку на поселение в менее удаленные места Сибири с лишением всех

прав состояния» [4, с. 326] не могло примирить Иванова с существующими в России государственными порядками. Таким образом, страна получила еще одного непримиримого борца с «тронам Романовых».

Так началась «ссылная эпопея» Льва Иванова. Первоначально его по суше и воде доставили в Тюмень, где с 1870 г. находился Тобольский приказ о ссыльных (далее «Приказ». — О.М.). «Приказ» подчинялся Тобольскому губернатору «как особое в губернии учреждение» [18, с. 34]. В результате, по его решению, местом ссылки Иванова был определен город Туринск, куда он и прибыл в ноябре 1877 г [17, с. 129]. Тогда в этом небольшом уездном городке проживало около 3 тыс. человек. Как политссылному из привилегированного дворянского сословия Иванову полагалось 6 рублей в месяц: 1 руб. 50 копеек «квартирных» и по 15 коп. в день кормовых. Два раза в год выдавалось пособие на одежду [20, с. 99].

К счастью для него, он оказался в городе не единственным политическим. Незадолго до его приезда сюда же власти направили осужденного по делу о демонстрации у Казанского собора, бывшего студента столичной академии художеств И.Р. Попова [6, с. 443]. Практически одновременно с Ивановым прибыл и его «поделщик» по «процессу 50-ти» В.О. Ковалев. По подворении в Туринск Иванову удалось наладить кое-какие контакты с товарищами на свободе. Так, известно, что в числе его корреспондентов находился участник «процесса 193-х» П.Д. Максимов [16, с. 101].

Но в целом ссылка жизнь в захолустном городишке разнообразием не баловала и преимущественно оказывалась наполненной заботами о добыче хлеба насущного. Казенных денег не хватало, а с работой в связи с ограничениями по «уставу о ссыльных» для государственных преступников возникали большие затруднения. И на первых порах Иванову пришлось нелегко. Он вынужден был наниматься в работники для топки сала, пробовал заниматься и мелочной торговлей [17, с. 129].

Постепенно пополнялась и колония ссыльных, а с ней и налаживалась бытовая жизнь. В 1879–1880 г. в Туринск прибыли Д.Е. Куплевасский, В.И. Татаринчик и Г.А. Глико. Приезд бывшего рабочего харьковских вагонных мастерских, настоящего столяра-артиста Д.Е. Куплевасского [28, с. 110], оказался особенно важным для Иванова в плане обретения им нужных для выживания в ссылке профессиональных навыков. По инициативе Куплевасского в городе открылась столярная мастерская. Она работала не только на Туринск, но и на сопредельные населенные пункты, а более изящную мебель отправляли даже на ярмарку в Ирбит [28, с. 110]. Мастерская обрела прочную репутацию, в ней трудились и другие ссыльные, в том числе и Иванов. Он оказался крайне способным учеником и уже вскоре мог работать самостоятельно.

Туринские ссыльные держались дружно, у них существовала касса взаимопомощи, из которой выплачивались пособия нуждающимся, каждый из них освоил какое-либо ремесло по душе и при реализации произведенного товара получал небольшую плату [15, с. 145]. Душой ссыльных туринцев являлся Иванов. Товарищи аттестовали его как «человека редкой честности, добродушия и трудолюбия» [21, с. 413].

Но решение проблем сугубо бытовых и житейских не могло отвлечь политических изгнанников от «наболевших вопросов русского бытия». Их внимание было приковано к событиям в Европейской России. Противостояние власти и радикальной части общества в 1880–1881 гг. нарастало. Вновь прибывшие приносили новости о появлении в стране такой серьезной политической силы, как «Народная воля», и о ее бескомпромиссной схватке с царизмом. Поэтому и в ссылке колонии в свободное время, вечерами за чаем велись непрекращающиеся разговоры и дебаты о политических делах, творящихся в стране.

Молодая энергия ссыльных требовала выхода. Прозывать в провинциальном захолустье, когда в стране товарищи ведут открытый бой с так ненавистным царизмом, им не хотелось. По инициативе все того же Иванова удалось положить начало небольшой библиотеке

по социальным вопросам. Начиная с 1878 г. товарищи с воли присылали ему книги. В том числе из Саратова он получил «Капитал» К. Маркса, «Сила соломой ломит» Наумова и др. [18, с. 155]. Чуть позже с прибытием в 1881 г. в Туринск политссыльного Н.А. Шевелева библиотека серьезно разрослась, там оказалось немало разных изданий и периодики [18, с. 156]. Заведение библиотеки облегчило ссыльным налаживание контактов с передовой частью туринского общества, и здесь роль первой скрипки играл все тот же Иванов. Результатом стало основание небольшого кружка, куда, кроме политических ссыльных, входили местная молодежь и демократически настроенная часть интеллигенции [15, с. 148].

Однако жизнь «государственных преступников» строго контролировалась местным окружным исправником и подведомственными ему нижними жандармскими чинами. В патриархальном Туринске этот контроль зачастую принимал чрезмерные формы, что приводило к постоянным мелким стычкам, а то и прямым конфликтам. Первое серьезное столкновение произошло в 1879 г., когда В.О. Ковалева за оскорбление исправника административным порядком выслали в Якутск [6, с. 265].

Жизнь ссыльных еще более осложнилась новыми полицейскими предписаниями, последовавшими после создания в феврале 1880 г. под руководством Министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова Временной Распорядительной Комиссии (далее ВРК. — О.М.). В Tobольской губернии ярким поборником самого мелочного и оттого еще более унижительного для политических контроля являлся губернатор В.А. Лысогорский (1878–1886 гг.), а непосредственными проводниками его политики выступали уже окружные исправники и подчиненные им структуры на местах. И естественно, что активная и деятельная натура Иванова привлекала особое внимание местной власти.

В результате, по просьбе исправника, за пропагандистскую деятельность [21, с. 412] губернское начальство решило перевести Иванова подальше на север Tobольской губернии. Причем это решение губернатор принял без всякого серьезного расследования, используя право административной высылки. Именно подобным же административным способом сотни молодых людей из различных мест Империи, действительно виновных в противоправительственных действиях, а в большинстве только слегка скомпрометированных или вовсе невиновных, отправлялись в различные глухие места русского Севера, Азиатской России и Сибири. Таким путем пошел и Иванов, оказавшийся в октябре 1880 г. в Сургуте [21, с. 38–39].

Перевод в Сургут фактически можно рассматривать как серьезное ужесточение его первоначального наказания. Tobольский север, а особенно Сургутский и Обдорский края, хотя и входили в Tobольскую губернию, которая причислялась к местам ссылки «не столь отдаленным», но на деле являли собой территории совершенно иного толка. Они представляли собой регионы с суровым климатом, крайне малым числом жителей, среди которых большую часть составляли инородцы (остяки, вогулы, ненцы). В этих очень удаленных от центра губернии местностях не имелось даже зачатков социокультурной и бытовой инфраструктуры, все это в совокупности делало их малоприспособленными для жизни ссыльных. Вот как описывал Сургут один из них: «На свежего человека, да еще не знакомого с сибирским захолустьями, Сургут производит впечатление убогой, всеми забытой затерявшейся в лесу деревушки. Это впечатление затерянности еще усиливается отсутствием грунтовых дорог: для сургутянина и летом и зимою одна дорога — его широкая, богатая река» [21, с. 38–39].

Почта в Сургут при нормальном режиме доставлялась раз в две недели, а с сентября по ноябрь, пока не стала река, городок оказывался вообще оторванным от цивилизации [21, с. 17]. На весь огромный округ приходился один врач [21, с. 307], зато в изобилии наличествовали разные виды чиновничества: исправник, его помощник, секретарь полиции, почтовый чиновник, военный начальник местных казаков, а также имелись — священник, диакон и из интеллигенции, кроме упомянутого врача, — народный учитель и фельдшер,

в роли которого выступал «едва грамотный остяк, не имеющий понятия о медицине» [21, с. 15]. Из лечебных учреждений в Сургуте находилась больница Приказа общественного Призрения. Она имела 12 кроватей, но была крайне плохо обустроена и почти без лекарств [21, с. 307]. У местных жителей она не пользовалась популярностью и зачастую в ней лежали доставляемые из округа остяки, преимущественно страдающие сифилисом [21, с. 44].

По прибытии в Сургут Иванов застал там колонию политссыльных в составе 5-ти человек (В.Я. Мрачковский, Д.Д. Лейвин, Н.Я. Фалин, С.П. Швецов и поляк Ю.Ф. Овсянный). На первых порах он поселился вместе с Лейвиным. Последний нанимал квартиру в две комнаты у Е.С. Вергуновой-Песковой, при этом хозяйка обязалась содержать их в чистоте, печь хлеб, готовить из предоставленных ссыльными ей припасов и ставить самовар. Цена за все была 1 рубль в месяц [21, с. 15]. Лейвин вспоминал, что они тесно сблизились, и благодаря Иванову это сильно скрасило его пребывание в Сургуте, «было с кем поговорить по душам, а подчас и поспорить» [21, с. 41].

Дела с заработками для ссыльных обстояли в городе крайне плохо. Местные жители имели свое хозяйство (лошади, коровы, овцы, птица), а также кормились с реки, жили охотой, промыслами дикоросов, некоторые занимались торговлей с автохтонным населением. Надо было как-то выживать, и крайне сблизившиеся Лейвин, Иванов и Швецов составили нечто вроде коммуны [21, с. 23]. Совместное существование помогало решать различные житейские проблемы, а их встречалось немало. Каких-либо серьезных ремесел и промыслов в Сургуте тогда не существовало. И приезд Иванова здорово помог ссыльным. Иванов, уже опытный столяр, сразу же затеял создание мастерской. Он при помощи Мрачковского изготовил верстак, летом из Полтавы удалось получить некоторые инструменты, и мастерская ожила. Недостатка в заказах не было. При покраске и полировке Иванову активно помогал Лейвин, также знакомый со столярным делом [21, с. 24]. Помимо работы в столярке, Лейвин переплетал книги, а Швецов, кроме помощи Лейвину в переплете книг, также исполнял роль сапожника [21, с. 23].

Совместная работа «коммунаров» несколько облегчала им ссыльную жизнь, но все равно она оставалась нелегкой. Поэтому и их быт, и пища являлись более чем спартанскими, но молодые люди чувствовали себя в физическом плане вполне сносно. Вот как Лейвин описывал их режим питания: «Раз пять в день выпивал полстакана молока с черным хлебом и несколько раз пил чай — конечно, вприкуску. При такой почти молочной диете я чувствовал себя хорошо и даже избавился от хронического катар желудка. Все мои товарищи, которые в дальнейшем жили со мной в коммуне, питались также только молоком с черным хлебом и также чувствовали себя хорошо. Один только раз изменили этот режим, готовя на обед кашу из ячных круп, но каша эта очень скоро надоела. Изредка, месяца в 2 раз, покупали рыбу какую-нибудь или соленую икру язевую (за 25 коп. фунтов 5), а однажды купили черной икры (1 фунт 20 коп.). Еще реже покупали белую муку, из которой пекли лепешки на масле. И до чего доходили аппетиты на такое лакомство, показывает следующий случай. Купили мы 10 фунтов белой муки, и хозяйка к утреннему чаю подала целую горку больших лепешек, еще горячих. Я пересчитал лепешки, их было 30. В коммуне тогда были со мной Иванов и Швецов. Свою часть — 10 лепешек — я съел за чаем. Иванов, живший со мной, что-то запоздал и пил чай после меня, когда я уже сидел за своей сапожной работой. Швецов еще больше запоздал и, когда уселся за чай, потребовал лепешек, так как их не было на столе, тогда Иванов начал извиняться, что он как-то совершенно невольно съел все 20 лепешек. Белый хлеб мы ели раза 3-4 в год, когда присылала нам по небольшой булке сочувствовавшая нам единственная в Сургуте еврейка» [21, с. 18-19].

Режим работы коммуны, по воспоминаниям Лейвина, сложился следующий: «Работали по 7-8 часов, а затем все товарищи собирались у нас и часов до 2-3 ночи велись всевозможные дебаты» [21, с. 23]. В то время Швецов был очень оптимистично настроен с налетом

даже некоторой наивности насчет будущего и активно полемизировал по общественным вопросам с «пессимистом» Ивановым [21, с. 22]. Тогда уже Лейвин отмечал такую черту характера у Иванова, как болезненное самолюбие, раздражительность и мстительность (под ней Лейвин понимал желание оставить в любом споре последнее слово за собой. — О.М.). Однако в личных отношениях Иванова с товарищами это почти не сказывалось, то же Лейвин пишет, что «мы жили очень дружно» [21, с. 23]. Да и вообще ссыльное товарищество Иванов ценил очень высоко и готов был всем поделиться ради друга. Вот только один пример: сестры Субботины, дружные с ним по «процессу 50-ти» и жившие в ссылке в Томске, посылали ему деньги, а Иванов постоянно раздавал их более нуждавшимся товарищам [18, с. 129].

Однако излишняя вспыльчивость и раздражительность служили тревожными симптомами. Рошевская выдвигала предположение, что это были первые признаки надвигающейся болезни [21, с. 413]. Но, думается, дело в другом — это давал о себе знать фактор некоей «ссылной хандры» — ощущения бессмысленности всего происходящего, невозможности занять себя действительно чем-то нужным и полезным, как это понимали революционеры, и преодолеть его могли не все. Кто-то впадал в депрессию вплоть до самоубийства, некоторые, хотя это и редкое явление, ударялись в пьянство, кто-то просто опрощался и опускался до уровня рядового обывателя.

Да и было от чего: надежды на быструю революцию таяли буквально на глазах. Хотя ссыльные первоначально и верили, что натиск «Народной воли» может увенчаться успехом. И казалось, тому были причины... Так в один из мартовских дней 1881 г. до Сургута дошло известие о событиях 1 марта 1881 г. — убийстве народовольцами императора Александра II. Казалось, оправдываются надежды «оптимиста» Швецова на скорую революцию. Свои впечатления об этом Швецов описывал следующим образом: «Впереди вспыхнуло что-то ослепительно яркое и разлилось нестерпимым светом; горячая волна прилила к сердцу, дух захватывало от нахлынувшего восторга. Наконец-то, свершилось. Победа! Революция!» [26, с. 133].

Известие о царевубийстве едва не вызвало противостояние между политссылными и казаками, которые на своем сходе приняли решение «не держать на своих квартирах политических ссыльных-царевубийц, о чем им и объявить, при этом поставить их в известность, что кто из них после назначенного часа останется еще в казачьем доме на квартире, тот будет силою из нее выброшен «вместе с барахлом»» [26, с. 135]. Из 5-ти политссылных только двое, Лейвин и Иванов, жили в казачьем доме, и им, конечно, было куда перебраться, но Швецов вспоминал: «Если рассматривать вопрос с принципиальной точки зрения: мы не могли допустить проведения казачьего постановления в жизнь» [26, с. 136].

Ссыльные народники ответили отказом, заявив, что «никакого, де, казачьего схода мы не знаем, а если казаки считают себя вправе делать относительно нас какие-либо постановления, то пусть со своими постановлениями обращаются к тому правительству, которое нас прислало в Сургут, — оно очевидно знало, что делало, — с квартир уходить не будем» [26, с. 136]. В результате эта острая ситуация разрешилась вмешательством жандармского унтера-офицера (и это при том, что полицейский исправник Трофимов растерялся и не знал, что делать. — О.М.), который отправился к казачьему прапорщику и заявил примерно следующее, что «раз правительство сослало сюда государственных преступников, то, следовательно, так и следует, и никто не смеет противиться этому» [26, с. 137], и на этом инцидент, грозивший столкновениями, а может быть, и кровью, оказался исчерпан.

И далее жизнь для политссылных потекла по-прежнему, ожидаемая революция так и нет наступила, более того, революционное движение к середине 1880-х гг. явно пошло на спад. Страна потихоньку успокаивалась и сползала к периоду «контрреформ» Александра III. Все это еще более остро ощущалось в настроениях осужденных и высланных,

они-то были людьми подневольными, вынужденными терпеть произвол начальства. Швецов отмечал: «В самом положении политссыльного того времени было два обстоятельства, которые в каждый момент могли послужить источником самых разных столкновений между политссыльными и полицией. Это прежде всего требование политссыльными от всякого «начальства»... корректного с ними обращения. А затем, право загородных отлучек, что вызывалось отчасти соображениями экономического порядка» [27, с. 120].

И здесь-то Тобольская губерния отличалась явно не лучшую сторону. Именно в ней, посредством прикрывающегося либеральными фразами губернатора Лысогорского, с 1882 г. начинает устанавливаться унижительный, а зачастую и чрезмерный контроль за проживанием «государственных преступников», что, например, разительно контрастировало с соседней Томской губернией. В ней отношение властей к поднадзорным в то время было достаточно лояльным. Это отмечал даже такой суровый критик царского режима, как Дж. Кеннан: «Положение политических ссыльных в Томске было лучше, чем где-либо во всей Сибири... власти не были так своевольны, как в Тобольской губернии» [9, с. 156].

Как справедливо указывал Кеннан, в Тобольской губернии дела обстояли гораздо хуже. Причем губернские власти, зачастую расширительно и не в пользу политических трактовали даже официальные документы, регламентирующие положение политических ссыльных. Так, в 1882 г. власти приняли «Положение о поднадзорных». В этом документе в параграфе 1 было сказано, что оно не применяется к лицам, отданным под надзор, в силу состоявшегося о них судебного приговора. В практике же тобольских властей оно использовалось и в отношении этих лиц, и это несмотря на прошения ссыльных на имя губернатора и МВД [26, с. 154].

К тому же в 1883–1884 гг. в губернии начались запреты даже на кратковременные отлучки за город, что резко осложнило бытовые условия жизни ссыльных. Абсурдность ситуации заключалась в том, что во многих местах губернии, особенно на Тобольском севере, подобные выходы за городскую черту диктовалось не желанием подышать свежим воздухом, а насущной необходимостью, связанной с обеспечением себя продовольствием (охота, рыбалка, сбор дикороссов) и хоть каким-то дополнительным заработком. Поэтому ссыльным приходилось обращаться по каждому случаю планируемой отлучки к официальным лицам, что становилось источником постоянных раздражений и еще более накаляло обстановку.

Особенно остро реагировал на эти утеснения власти Иванов. Лейвин вспоминал, что «при редких посещениях нас исправником Иванов бледнел, плохо владел голосом и вообще был сам не свой, объясняя такое свое состояние тем, что ему невыносима мысль о полной зависимости от такой сволочи» [21, с. 21].

Подобное наступление даже на минимальные человеческие права еще более усиливало «ссыльную хандру», и в таких условиях только сильный и цельный человек мог не сломаться. Здесь каждый решал за себя, кто-то вынашивал мечты о побеге и продолжении борьбы, кто-то занимал себя научной работой или иной культурно-просветительской деятельностью. Видимо, что-то подобное происходило и с Ивановым. Не зря именно в 1882 г. он предпринимает ряд шагов, дабы выйти из этого состояния.

В ноябре 1882 г. он обращается к губернатору за разрешением вести наблюдения на местной метеостанции. Метеостанция в Сургуте, оснащенная по 2-му разряду (на них производился весь комплекс наблюдений кроме, как над давлением и влажностью воздуха [11, с. 73]), появилась в 1879 г. Первоначально работу на ней вел местный учитель, но после его самоубийства, она простаивала без дела. Следует обратить внимание, что охотников из простых обывателей в глубинке практически даром вести наблюдения в любую погоду, а по инструкции 1869 г. это необходимо было делать три раза в день 7, 13, 21 час (с 1 апреля по 30 сентября,) и 8, 13 и 21 час (с 1 октября по 31 марта), а с 1871 г. был введен твердый утренний срок в 7 часов на весь год [11, с. 73], не появлялось. И ссыльные оказались наиболее ответственными и подготовленными для такого рода деятельности. В результате

губернатор дал разрешение, и Иванов в течение последующих 5 лет, несмотря на морозы и все более ухудшающееся здоровье, регулярнейшим образом вел наблюдения и посылал данные в Пулковскую обсерваторию [19, с. 52]. Эта научная деятельность, да еще контакты с местной молодежью, местом сбора которой служила столярная мастерская, делали его жизнь более насыщенной и полезной.

Этот важнейший фактор культурно-просветительного влияния ссыльных на местное население очень точно подметил Швецов: «Сибирский обыватель того времени с недоумевающим любопытством останавливался не перед мастерскими политических ссыльных, куда он свободно заходил и мог видеть в подробностях все, что его интересовало, а перед их владельцами. И глядя на них, у какого-нибудь туринца или курганца сами собою возникали вопросы: «Что это за люди? Почему у них такое суровое, строгое отношение к труду, всегда доброкачественному, всегда добросовестному?.. Почему же эти люди, чужие друг другу не «сродственники», а живут вместе, ведут общее хозяйство, имеют общую мастерскую, и нет в ней ни хозяина, ни работников? Почему они, эти чужие люди, против которых их так усердно настраивают полиция и чиновники, так дружны между собою, так стоят во всем друг за дружку, помогают один другому всем, чем могут? Отчего они никогда никого не обманывают, готовы каждому помочь? И какие все они смелые: начальства не боятся, прямо в глаза говорят ему правду, и боится-то оно их. Почему это так?» Эти и подобные вопросы не могли не возникнуть у сургутских или ялutorовских граждан при их повседневных встречах с какими-то неведомыми им людьми, почему-то откуда-то со стороны в таком изобилии попавшими в их среду. Это притягивало их внимание, они шли в мастерские по своим будничным, грошевым делам, и здесь ближе знакомясь с ними, тут у них возникали симпатии, завязывались связи и просачивалось в обывательскую среду влияние политической ссылки, расшатывающее понемногу сложившиеся вековые устои обывательской жизни. Происходило незаметное, но несомненное перерождение какого-нибудь тюкалинца или сургутянина. И современный сургутянин, заброшенный в приполярные дремучие леса и там всеми забытый, уже не тот, что был пятьдесят лет назад, и этим он обязан «столяру» и «плотнику» политическому Иванову и десяткам ивановых, убогие мастерские которых были для него единственной школой, а сам Иванов — единственным учителем» [28, с. 111-112].

Так, что жил в ссылке Иванов не зря. По общим отзывам, «это был недюжинный человек как по уму, так и по нравственным качествам. Это он, главным образом, своим образом жизни привлек на сторону ссыльных нескольких молодых сургутян» [20, с. 102]. В результате в 1880-х гг. из среды сургутской крестьянской молодежи составила группа в несколько человек, вошедших с ссыльными революционерами в тесное соприкосновение и идейное содружество. Было бы преувеличением сказать, что эта молодежь целиком восприняла от ссыльных их политическую веру и тем более их революционные взгляды, но она сочувственно прислушивалась к их мнениям и оценкам социальной ситуации в Империи и незаметно заражалась от них духом критики и протеста [10, с. 109]. Из этой группы молодежи 1880-х гг. можно выделить: А.Я. Баталина, Е.И. Буканина, П.Л. Вергунова, И.Ф. Кайдалова, Л.П. Кушникова, и М.К. Кондакова. Вот как спустя годы вспоминали они о ссыльных, в том числе и об Иванове: «Дружный был народ и в беде помогали не только что друг дружке, а и нам жителям. Всегда помощь окажут. Только к купцу не ходи.. Торговых они шибко не любили. Народ все ремесленный был... Иванов, Василий Блинов. Хорошие были люди...» [20, с. 100].

1883 г. ознаменовался большими переменами в жизни Иванова. В октябре он женился на местной крестьянке А.И. Замятиной [17, с. 129]. К этому времени значительно поменялся и состав ссыльной колонии, уже не было рядом старых друзей — Швецов и Лейвина, их так же, как и К.Н. Филиппова, Фалина и Овсянного, перевели из Сургута в другие местности. Однако город постепенно наполнялся новой генерацией революционеров. Сюда начинают отправлять тех, кто пытался бежать или иными способами протестовал против всё ухудшаю-

щегося режима ссылки. Это проявлялось в отказе давать подписки о повиновении, выходах на прогулки за городскую черту, открытую демонстрацию неуважения к чинам полиции и жандармерии. Вот таких «буйных головушек» власти и решили отправить подальше, на Тобольский Север. На один из запросов МВД в 1883 г. тобольский губернатор ответил, что «наиболее удобным местом для ссылки является Сургут, так как он расположен вдали от крупных городов и главного сибирского тракта, а население там наиболее отсталое и не поддается пропаганде» [19, с. 53].

Следует признать, что идея губернатора превратить Сургут в центр скопления наиболее опасных в глазах властей политических преступников строилась только на основе географического положения этого населенного пункта, без учета других объективных факторов — это и отсутствие социальной и бытовой инфраструктуры, возможности для заработка и даже просто недоучет возможностей полицейского надзора. Имеется ввиду нехватка личного состава надзирателей для организации должного (с точки зрения существующих в губернии регламентов. — О.М.) контроля за политссыльными. Впоследствии на это указывали сами представители «силовых структур» [19, с. 64].

Однако власти осознают это позже, а пока, начиная с 1885 г., в Сургут начинают активно перемещать из других мест губернии политических преступников. Особенно быстрые темпы эта практика набрала при новом губернаторе В.А. Тройницком (1886–1893 гг.). В результате к зиме 1887–1888 гг. в Сургуте находилось уже 25 политссыльных, и преимущественно это были лица, уже скомпрометированные перед властями.

По подсчетам Роцевской, из 25 политссыльных Сургута 17 человек до перевода сюда участвовали в Западной Сибири «в различных столкновениях с полицией, писали протесты и заявления, то есть проявили себя людьми не желавшими уступать и подчиняться правительству» [19, с. 56]. Конечно, они сразу же нашли полную поддержку в лице Иванова, который тоже не сгибался перед «слугами государевыми» и не подавал никаких прошений о раскаянии и облегчении своей участи. Единственное, что он сделал, это 7 августа 1885 г., когда после его отправки в Сибирь прошло уже 7 лет, отправил запрос об уточнении срока его ссылки. Ответ губернатора озадачивал одновременно глупостью и жестокостью: из него следовало, что «Иванов сослан навечно и еще на 10 лет» [17, с. 130]. Роцевская трактует этот так: «В ссылку на 10 лет, а потом навечно на поселение» [17, с. 130].

Естественно, что такой ответ поставил его еще в более жесткую оппозицию к губернской и окружной администрации. А вновь прибывающие ссыльные нашли в нем доброго товарища. В одном из его писем есть такие строки: «Так как люди они очень хорошие, то, конечно, нам немного все же повеселее» [17, с. 130]. Сообща ссыльные «держали оборону» перед местным начальством, нарушая предписанные регламенты, да иного им не оставалось. Иначе не выживешь! Так исправник Разумовский и помощник исправника Иноземцев неоднократно докладывали губернатору о постоянных отлучках ссыльных за городскую черту и их непозволительном поведении. В частности, это были несанкционированные отлучки Н.И. Гамолицкого, Иванова, В.А. Броневского и А.Н. Аверкиева «по разным надобностям» — на рыбалку, в лес на обжигание угля (для кузнечного ремесла Аверкиева и Мрачковского) [3, лл. 40–41]. Отлучки ссыльных за пределы населенного пункта Иванов объяснял тем, что «...в городе нельзя найти не только работы, но и почти жизненных припасов, ... потому что иначе невозможно поддерживать свое существование в таком месте, где никакие ремесла не обеспечат это существование и природные жители живут исключительно промыслами» [3, л. 8].

Не раз возникали конфликты между исправником и политссыльными из-за попыток последних встретиться на пристани, которая находилась на значительном расстоянии от городской черты (около 6 верст — О.М.) со следующими через нее партиями государственных преступников [2, л. 1–1об, 7]. Приходил на пристань и Иванов, но эти краткие встречи доставляли ему все меньше радости. Тяжелая и длительная ссылка, спад револю-

ционного движения в стране, а возможно, и уже начинавшаяся болезнь — все это не могло не повлиять на его психологическое состояние. Вера в скорую революцию сменилась только ненавистью к мелким сатрапам, обсуживающим самодержавие в местах ссылки [21, с. 21].

Все это сказалось и на его внешнем, и эмоциональном облике, что не скрылось от глаз политических арестантов, следующих на баржах далее до Томска. Вот как описывал встречу с Ивановым П.И. Торгашев: «Удручающе на нас подействовала следующая сцена. Среди сургутской публики стоял и безучастно глядел на нашу баржу почти молодой человек, одетый в инородческий костюм. Рядом с ним была женщина-остячка... На лице несомненно интеллигентном была видна полнейшая апатия. Глаза безжизненны... Перед ним сто с лишним человек единомышленников, и он не интересуется ничем. Даже известие, что его любимая сестра (Софья Иванова — О.М.) идет на каторгу, он выслушал спокойно. Из энергичного, образованного человека в три года (тогда прошло уже 6 лет его ссылки. — О.М.) получился живой труп. Еще кто-то пробовал разговаривать с Ивановым, но безуспешно. Наши сообщения его не интересовали. На вопросы он отвечал отрывисто и неохотно» [22, с. 113–114].

Кто знает, о чем думал, стоя на берегу Оби и глядя на очередную баржу политкаторжан, Иванов? И правильно ли поняли его поведение новоявленные товарищи по несчастью? Большое зрится на расстоянии. Возможно, настоящее в России его уже не волновало. Он понимал, что революционный натиск отбит, и страна на долгие годы погружается в дремотное состояние консерватизма царствования Александра III. Может быть, его переполняла жалость к этим пока бодрым и горящим энтузиазмом молодым людям, как мотыльки, летевшим на огонь революции, немалая часть которых уже никогда не вернется из Сибири и пополнит все расширяющийся мартиролог жертв царского режима? А возможно, душу его наполняла ненависть к российской правящей элите, обрекавшей представителей молодого поколения на смерть, каторгу и ссылку, в своем стремлении сохранить устои жизни, уже отжившие свое? Да и что он мог сказать этому уже новому для него поколению революционеров? Может быть, поэтому он и молчал? Иногда ведь молчание красноречивее любых слов...

В начале 1887 г. стало ясно, что Иванов тяжело болен. У него началось воспаление спинного мозга, парализовало руку и ногу, отнялся язык. Эффективной помощи он в Сургуте получить не мог. Единственный врач Соковнин слыл горьким пьяницей, страдал запоями и полностью деградировал. Естественно, что толку от него как от специалиста быть не могло. Товарищи Иванова собрали необходимую сумму денег и обратились к губернатору Тройницкому с просьбой разрешить Иванову временный перевод в Тобольск, где его поместили бы в больницу для оказания требуемой медицинской помощи [27, с. 125].

Однако на неоднократные просьбы ссыльных о переводе Иванова губернатор долго не отвечал [19, с. 58], хотя это решение находилось полностью в его компетенции. Когда же, наконец, Иванов получил разрешение на выезд в Тобольск, он был уже так плох, что по дороге 29 мая 1887 г. умер. Встречающие его в Тобольске ссыльные на свои деньги организовали похороны, которые вылились в настоящую политическую демонстрацию. На надгробии в виде чугунной плиты было скромно и просто написано: «Штабс-капитан артиллерии Лев Андреевич Иванов по «московскому процессу пятидесяти 1887 года» [17, с. 129]. Этот поступок тобольских ссыльных вызвал серьезное недовольство местной администрации. «Подобные похороны имеют характер политической демонстрации, — отозвался губернатор» [19, с. 58].

Но это было только начало. Кончина Иванова вызвала возмущение политссыльных по всей губернии, а особенно в Сургуте, где его все очень любили. Дабы уничтожить память о нем, в том же 1888 г. полицейские тайно убрали чугунную плиту на могиле Иванова [19, с. 130]. Однако власти не смогли скрыть следов происшедшего. Фактически мученическая смерть Иванова стала триггером будущего «Сургутского протеста» (1888 г.). Известия о событиях в Сургуте вскоре стали известны и за пределами Сибири.

И в том, что эти факты выплыли наружу, как это странно ни прозвучит, есть и заслуга самого Иванова. Местная молодежь проникнутая новыми идеями, в чем была и немалая заслуга Иванова, решила помочь ссыльным в предании огласки сургутских событий. В результате несколько молодых сургутян, И.Ф. Кайдалов, Л.П. Кушников и А.Я. Баталин [20, с. 103], оказали активное содействие успешному побегу ссыльных народников А.Н. Лебедева и И.И. Лазаревича [20, с. 103], произошедшему в ночь с 18 на 19 февраля 1888 г. Беглецы смогли доставить сведения о событиях в Сургуте и произволе властей в Европейскую Россию и далее за границу.

Документ был озаглавлен «Гонение политических ссыльных в Сургуте». Он так же, как и последующий «Протест русской политической ссылки», попал за рубеж. В «Протесте», написанном на имя Александра III, содержались и такие строки: «Как ваше величество объясняет участие тобольского губернатора г. Тройницкого в убийстве Льва Иванова в г. Сургуте? Русская политическая ссылка протестует против потаенного убивания своих товарищей оставлением их без возможности добывать себе хлеб, вне районов медицинской помощи... и требует, чтобы ваше величество или отменило подобный произвол, или обнаружало, что он принимает на себя ответственность за эти убийства» [13, с. 210].

После ознакомления со столь вопиющими фактами карательного произвола американский журналист и общественный деятель Кеннан в своих материалах о политической ссылке в Сибирь, публикуемых на Западе, прямо писал, что «Лев Иванов, ныне покойный, по существу был убит чиновничьей жестокостью и равнодушием» [8, с. 41].

ВЫВОДЫ. Таким образом, даже своей трагической смертью Лев Андреевич Иванов нанес серьезнейший удар по архаичному и карательному по своей сути институту российской политической ссылки. Его смерть запустила цепочку событий, закончившихся «Сургутским протестом» [27], который стал прологом уже кровавой «Якутской трагедии» (1889 г.). Эти акции, получившие мировую огласку [25, с. С. 261-263; 29], нанесли серьезнейший имиджевый урон российскому самодержавию, а западное общественное мнение стало все активнее склоняться в сторону поддержки русских революционеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг.: Колос, 1924. 460 с.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУ ТО ГА в г. Тобольске). Ф. И 152. Оп. 12. Д. 56.
3. ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 10. Д. 100.
4. Государственные преступления в России в XIX веке. Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. 2. (1877 г.). Ростов на Дону: Донская речь, 1912. 351 с.
5. Деятели революционного движения в России. Био— библиографический словарь. Т. 2. Вып II. М.: Изд-во Политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. Стб. 407-836.
6. Деятели революционного движения в России. Справочник и эл. база данных. Вторая половина 1850-х-1890-е гг.. Т. 2.: 1870-е гг.. М.: Памятники исторической мысли. 2009. 696 с.
7. Иванова-Борейшо С.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 85-90.
8. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). Т. 2. СПб.: Изд-во «Российско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1999. 396 с.
9. Лурье Г. Журнал безвременья // Каторга и ссылка. 1931. № 6. С. 141-165.
10. Милевский О.А. Политическая ссылка 1860-1890-х на Тобольский север: социокультурный контекст. Книга для учителей. Сургут, Тюмень: Аксиома, 2017. 132 с.
11. Нездуров Д.Ф. Очерки развития метеорологических исследований в России. Л.: Гидрометеиздат, 1969. 244 с.

12. Пирумова Н.М. Александр Герцен — революционер, мыслитель, человек. М.: Мысль, 1989. 256 с.
13. Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г. // Красный архив. 1930. Т. 4-5. С. 210.
14. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
15. Ретунский В.Ф. Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут: Северо-Сибирское кн. изд-во. 1992. 208 с.
16. Рощевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60-80-х годов). Тюмень: ТГУ, 1976. 137 с.
17. Рощевская Л.П. Навечно и еще на 10 лет // Урал. 1976. № 1. С. 129-130.
18. Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западно-сибирском изгнании. Л.: ЛГУ, 1983. 177 с.
19. Рощевская Л.П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1977. С. 48-82.
20. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 102.
21. Тобольский север глазами политических ссыльных XIX-начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское кн-е изд-во, 1998. 432 с.
22. Торгашев П.И. Сибирские воспоминания 1883-1903. I. Путешествие в Сибирь // Голос минувшего. 1914. № 10. С. 110-125.
23. Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. 415 с.
24. Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 372 с.
25. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866-1895 гг. М.: Мысль, 1979. 350 с.
26. Швецов С.П. 1 марта в Сургуте // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 130-138.
27. Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119-128.
28. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 10. С. 96-112.
29. Good E. America and the Russian revolutionary movement, 1888-1905 // Russian Review. 1982. Vol. 41. № 3. P. 273-287.

References

1. Aptekman O.V. *Obshchestvo «Zemlya i volya» 70-h gg. po lichnym vospominaniyam* [The society «Land and Liberty» of the 70 s on personal memories]. Pg.: Kolos, 1924, 460 s. (In Russian).
2. Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie Tyumenskoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobl'ske» (GBU TO GA v g. Tobol'ske). F. I 152. Op. 12. D. 56. (In Russian).
3. GBU TO GA v g. Tobol'ske. F. I 152. Op. 10. D. 100. (In Russian).
4. *Gosudarstvennye prestupleniya v Rossii v XIX veke* [State crimes in Russia in the 19th century] / Sost.pod red. B. Bazilevskogo (V. Bogucharskogo). T.2. (1877 g.). Rostov na Donu: Donskaya rech', 1912. 351 s. (In Russian).
5. *Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii: Bio-bibliograficheskij slovar'* [Figures of the Revolutionary Movement in Russia: Bio-Bibliographic Dictionary]. T. 2. Vyp. 2. Moscow: Vsesoyuz. o-vo polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1930. Stb. 407-836 (In Russian).
6. *Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii. Spravochniki el. bazadannyh. Vtoraya polovina 1850-h-1890-e gg.* [Leaders of the revolutionary movement in Russia. Directory and e-mail database. Second half of the 1850s-1890s]. T. 2.: 1870-e gg.. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009. 696 s. (In Russian).
7. Ivanova-Borejshe S.A. *Avtobiografiya* [Autobiography] // Deyateli SSSR i revolyucionnogo dvizheniya Rossii. EHnciklopedicheskij slovar' Granat. M.: Sov. ehnciklopediya, 1989. S. 85-90. (In Russian).
8. Kennan Dzh. *Sibir' i ssylka. Putevyje zametki (1885-1886 gg.)* [Siberia and the exile. Travel notes (1885-1886)]. T.2. Saint Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs, 1999. 396 s. (In Russian).

9. Lur'e G. "Zhurnal bezvremen'ya" [Magazine of timelessness] // Katorga i ssylka. 1931. № 6. S. 141–165. (In Russian).
10. Milevskiy O.A. *Politicheskaya ssylka 1860–1890-kh godov na Tobolskiy Sever: Sotsiokulturnyy kontekst* [Political Exile to the Tobolsk North from the 1860s to the 1890s: The Socio-Cultural Context]. Tyumen: 2017, 132 s. (In Russian).
11. Nezdyurov D.F. *Ocherki razvitiya meteorologicheskikh issledovaniy v Rossii* [Essays on the development of meteorological research in Russia]. L.: Gidrometeoizdat, 1969. 244 s. (In Russian).
12. Pirumova N.M. *Aleksandr Gercen — revolyucioner, myslitel', chelovek* [Alexander Herzen — revolutionary, thinker, man]. M.: Mysl', 1989. 256 s. (In Russian).
13. *Proekt protesta russkoi politicheskoi ssylki v 1888 g.* [The project of protest of the Russian political exile in 1888] // T. 4–5. Krasnyi arkhiv. 1930. 210 s. (In Russian).
14. Repina L.P. «Novaya istoricheskaya nauka» i social'naya istoriya [«New Historical Science» and Social History]. M.: Izd-vo LKI, 2009. 320 s. (In Russian).
15. Retunskiy V.F. *Gosudarstvennye prestupniki: Stranitsy istorii politicheskoy ssylki v Zauralye* [State Criminals: Pages from the History of Political Exile in the Trans-Urals]. Surgut, 1992, 206 s. (In Russian).
16. Roshchevskaya L.P. *Istoriya politicheskoi ssylki v Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. (60 — nach. 80-kh godov)* [History of political exile in Western Siberia in the second half of the XIX century (60 — early 80s)]. Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo universiteta, 1976. 137 s. (In Russian).
17. Roshchevskaya L.P. "Navechno i eshche 10 let" ["Forever and 10 more years"] // Ural. 1976. № 1. S. 129–130. (In Russian).
18. Roshchevskaya L.P. *Revolutsionery-raznochintsy v zapadnosibirskom izgnanii* [Revolutionary-raznochintsy in West Siberian exile]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1983. 177 s. (In Russian).
19. Roshchevskaya L.P. «Surgutskaya istoriya» (Volneniya politicheskikh ssyl'nykh 80-kh godov XIX veka v Zapadnoi Sibiri) [«Surgut history» (Unrest of the political exiles in 1880s in Western Siberia)] // Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' dorevolutsionnoi Rossii. Tyumen, 1977. S. 48–82. (In Russian).
20. Surgutyanin. "Sto let Surgutskoi ssylke" [One hundred years of Surgut exile]. Katorga i ssylka. 1929. № 12. S. 92–117. (In Russian).
21. *Tobol'skii Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX — nachala XX veka* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the XIX-early XX century]. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoe kn. izdatel'stvo, 1998. 432 s. (In Russian).
22. Torgashev P.I. *Sibirskie vospominaniya 1883–1903. I. Puteshestvie v Sibir'* [Siberian Memoirs 1883–1903. I. Journey to Siberia] // Golos minuvshogo. 1914. № 10. S. 110–125. (In Russian).
23. Troitskiy N.A. *Korifei rossijskoy advokatury* [Leading figures of the Russian legal profession]. M.: ZAO «Centropoligraf», 2006. 415 s. (In Russian).
24. Troitskiy N.A. *Krestonosty sotsializma* [Crusaders for Socialism.]. Saratov, 2002. 415 s. (In Russian).
25. Troitskiy N.A. *Tsarizm pod sudom progressivnoi obshchestvennosti: 1866–1895 gg.* [Tsarism before the court of the progressive public: 1866–1895]. Moscow: Mysl', 1979. 350 s. (In Russian).
26. Shvecov S.P. *1 marta v Surgute* [March 1 in Surgut] // Katorga i ssylka. 1931. № 3. S. 130–138. (In Russian).
27. Shvetsov S.P. *K «predystorii» Yakutskoi boini* [To the «prehistory» of the Yakut massacre] // Katorga i ssylka. 1929. № 4. S. 119–128 (In Russian).
28. Shvetsov S.P. *Kul'turnoye znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnoy Sibiri* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // Katorga i ssylka. 1928. № 10 (47). S. 96–112. (In Russian).
29. Good E. *America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905* // Russian Review. 1982. Vol. 41. № 3. P. 273–287. (In English).